

Если будет день – значит, тени не в счет

Зоран Вранич

Пока Эжен и Ирина обсуждают, как быть дальше, Зоран все свои усилия сосредотачивает на том, чтобы не сползти позорно по дверному косяку.

Ему становится хуже по мере того, как он углубляется в монастырь – потому что с каждым шагом истерика матушки нарастает, звенит в ушах так, что за ней сложно расслышать обращённые к Зорану настоящие слова, и голова снова начинает болезненно гудеть. Но это хочется читать как добрый знак, верить, что матушка боится потому, что чувствует: здесь ее могут укротить, лишить сил, а то и вовсе прогнать. Зоран очень на это рассчитывает – больше ему, кажется, и не на что.

Кое-как ему удастся разобрать, что Эжен уходит за помощью, за тем обещанным человеком, который знает о духах больше. А Ирина... никуда она не уходит. Остается. Поддерживает. Помогает дойти до циновки и осесть на нее. Зоран цепляется за плечо рыжей девушки, старательно утягивает ее за собой. Рядом с ней ему немного легче, несмотря на то, что матушка вся заходится от ревности. Все равно, так спокойнее. Поэтому Зоран продолжает цепляться за Ирину и неловко просит: – Вы не полечите мне голову еще немного? Пожалуйста.

Если бы она могла стереть его странную способность так же легко, как стирает головную боль, Зоран бы ее уже боготворил. Жаль, что она не может. Зоран мысленно готовит себя к тому, что ему придется довериться еще раз... неизвестно кому, строго говоря.

– Вы ему доверяете? Эжену? – осторожно спрашивает он у плеча Ирины. – Думаете, он и правда приведет кого-то полезного? Кого-то, кто поможет? – Сам Зоран сейчас доверяет в большей степени Ирине, в первую очередь идет за ней – а еще с лёгкой горечью думает о том, как легко оказалось его купить. Несколько ласковых слов и прикосновений, вот и готово дело. Но Ирина выглядит очень искренней, и как будто действительно готова возиться с незнакомым мальчишкой. Поэтому с ней хорошо. Поэтому становится проще, когда она рядом.

Ирина Рейн

Ну да, Ирина откровенно не ожидала, что ее оставят типа за главную, пусть даже и очень временно. Но подводить ни Эжена, ни Зорана не собиралась, а потому сосредоточилась, отсекая нервную шелуху и вычлняя главное. Так, вот у нее на руках ученик, и он должен дожить до момента, когда ему начнут выправлять голову, более-менее целеньким и не скисшим окончательно, вот была ее сверхзадача. Ирина довела Зорана до кровати, села рядом и снова приобняла - он так будто бы чувствовал себя спокойнее, и рыжая полагала, что надо этим напропалую пользоваться пока работает.

Первый вопрос Зорана, обращенный к ней, был совсем простым. Ирина немедленно кивнула: - Да запросто. Подставляй макушку, - слегка размяла пальцы и бережно повела ладонью по непослушным волосам парнишки, осторожно, едва прикасаясь. Дело тут было не в физическом контакте, а в том, чтобы разлить от ладони

целительную синюю энергию, осторожно придавить ею и остудить болезненные алые пятна, которые снова расползлись у Зорана по ауре в области головы. Пока это давалось без сложностей, но Ирина крепко подозревала, что если повторять такое каждые полчаса, что она быстро выдохнется - а еще, что если такое повторять слишком часто, то можно, как с наркозом, организовать пацану крепкий передоз. Хотя последнее вот совсем не точно, это надо будет уточнить у кого-нибудь из разбирающихся мастеров. У сифу Давенпорт или кто там подвернется.

Второй вопрос оказался чуть сложнее. Но не потому, что Ирина не знала, как на него ответить, а чисто в эмоциональном плане. Первым делом в ней колыхнулось возмущение, и она кое-как успела с ним совладать, чтобы ответить нормально, а не на повышенных тонах.

- Правильно говорить "сифу Савиньяк", - первым делом поправила она, исправляя ошибку, которую сама же и наляпала ранее у ворот. - Он мастер монастыря, он здесь преподает, следит за дисциплиной, помогает ученикам и все такое. С ним надо вежливо. И да, я ему доверяю. Больше, чем себе. - Потому что, логично, он уже преподаватель, заслуживший доверие старших мастеров, а она разгильдяйка и пока еще на сомнительном счету. - Не переживай, заяц. Смотри, полдела уже сделано, осталось чуть-чуть потерпеть, и тебе помогут. А если вдруг нет, я такой скандал учиню! - Но помогут же. Для того этот монастырь здесь и стоит, чтобы помогать всяким заблудшим чайникам, пожелавшим выйти на тропинку, ведущую к уму-разуму, и всячески им сострадать.

Эжен Савиньяк

Эжену казалось, у него нет оснований полагать, что в его отсутствие с учеником произойдет что-то ужасное. Зоран с Ириной как будто бы нашли общий язык, и у девушки глаза горели ярким сочувствием, и как будто Зоран с ней не должен был пропасть. Так что ненадолго можно было их оставить - очень ненадолго, пропадать всерьез Эжен не собирался. Его план пока что оставался все таким же прямым и конкретным, как и в первом проекте. Оставалось только реализовать его, да поскорее.

Первым делом имело смысл заглянуть к брату в комнату. Гийом, так до сих пор и не спешивший ни завести прочные знакомства, ни постоянные увлечения, много времени проводил там, наедине с собой и своими мыслями, по большей части вяло реагируя на попытки его встряхнуть. Так что велика была вероятность, что и сейчас все ровно так же. От одного жилого корпуса до другого бежать было всего ничего, но Эжен всё равно лишний раз ускорился, нащупал летучий гибкий воздух, скрутил его в тугой поток, чтобы подтолкнуть себя на бегу, чтобы преодолеть расстояние между корпусами еще немного быстрее.

Гийом действительно оказался в своей комнате. Эту удачу следовало ковать, пока горяча, и Эжен, не сбрасывая темпа и не сбавляя оборотов, с порога попросил у брата помощи и принялся кратко пересказывать, в чём дело. Он постарался сжато, но точно, как мог, обрисовать состояние ученика и отдельно подчеркнул, что тому, кажется, было совсем худо. Пока не настолько, как Гийому в свое время, но, кажется, дело шло примерно к тому. Эжен честно закончил: - Я не знаю никого, кто понимал бы это лучше, чем ты. Очень тебя прошу, помоги, - и, видимо, на их балансе взаимопомощи еще оставалось что-то в его пользу, потому что Гийом поворчал, но согласился.

Скорость на пути обратно зависела от Эжена не так сильно, он мог только показывать дорогу и просить брата еще хоть чуть поторопиться - без излишнего старания, впрочем, иначе можно было нарваться на прямо противоположный эффект, норовистый огонь внутри Гийома очень плохо терпел, когда ему указывали. В комнате, впрочем, пока ничего не говорило о том, что они опоздали. Зоран держался как можно ближе к Ирине, но ни умирающим, ни стремительно теряющим рассудок пока не выглядел. Эжен обнадеживающе кивнул ему, коротко сказал: - Мы здесь, - имея в виду разом и себя, и брата, и посторонился, пропуская Гийома в комнату.

Гийом Савиньяк

Если бы Гийома попросили описать его сегодняшний день, коротко и емко выделить в нем самое важное - он бы сказал, что примерно весь день чувствовал *возмущение*. Нет, не то, которое об эмоциях, к топоту ногами это не имело никакого отношения. Скорее возмущение в воздухе, похожее на грозовую тучу, вызревающую над горизонтом и постепенно наливающуюся цветом. Что-то должно было произойти, нечто важное и сложное. Гийом за день не раз и не два пытался узнать эту грозу подробнее, понять, что она в себе таит: отгораживался в своей комнате от окружающего мира, проскальзывал за хрупкую завесу транса, тянулся к возмущению на горизонте, изучал то, как преломляет его обострившееся восприятие. Ему удавалось увидеть уязвимую фигуру, длинную и как будто хрупкую, идущую в сторону монастыря, и тянущуюся за ней тень - но приблизить это видение, рассмотреть его подробнее не получалось. Или просто Гийом для этого недостаточно старался. В любом случае, все выглядело так, словно тень уже почти в монастыре, так что скоро должна была проявить себя. И, раз угрозы в ней не ощущалось, вероятно, лишний раз тревожиться из-за нее не стоило.

И первым, кого тень коснулась в монастыре, оказался Эжен. Гийом сразу же напрягся, когда брат влетел к нему в комнату практически в прямом смысле слова и с порога заговорил о том, что ему нужна помощь. Правда, на подробности он не скупился, хоть и пересказывал их быстро и сжато, и понять из его слов, в чем заключалась проблема и какого рода помощь требовалась, не составляло труда.

- Ты просишь меня об очень растянутом одолжении. Если все так, как ты описываешь, вероятно, ты этого своего ученика посадишь мне на шею. И будет он там сидеть неопределенное время, пока худо-бедно не научится работать с духами сам. Время это расплывчатое, точному расчету не подлежит, - ворчливо сказал Гийом. Но тем не менее, засобиравшись и отправившись отправился следом за Эженом. Настойчивая просьба брата уже сама по себе была для него достаточным основанием не выпендриваться и сделать то, что требуется. Тут же за просьбой скрывался еще и юный шаман, который, будучи брошенным на произвол судьбы, мог кончить плачевно. Гийом хорошо представлял себе, как тяжело даются первые контакты с духами, и за эту тему его было очень реально подцепить, вывести на какое-никакое сочувствие и развести на хоть сколько-нибудь активное участие.

Возмущение, которое и без того стало отчетливее примерно в последний час, окончательно набрало силу, когда Гийом следом за Эженом подошел к нужной комнате. И сомнений не было, что источник этого *возмущения* находится прямо

здесь, за этой дверью. Гийом шагнул следом за Эженом в дверной проем, цепко оглядел комнату, стараясь сразу понять как можно больше, чтобы потом терять как можно меньше времени на вопросы.

Рыжую Ирину он уже видел в монастыре, дело было явно не в ней, а в прижавшемся к ней юном парне. Воздух рядом с ним практически гудел от напряжения, и Гийом ощущал, хоть и не видел, присутствие в комнате кого-то пятого, тени с неясными намерениями. Ученик выглядел бледным, но - возможно, стараниями Ирины, Эжен успел сказать что-то такое про то, что оставил юного шамана с целителем, вот видимо, это Ирина и была - находился в ясном сознании, что-то отчетливо обсуждал с девушкой. Хорошо. Так, по идее, должно быть проще.

- Привет, - сказал Гийом, подходя ближе. Присел на корточки рядом с циновкой и представился: - Я Гийом. Я здесь для того, чтобы помочь тебе разобраться, что с тобой происходит и как с этим быть дальше. Эжен сказал, вместе с тобой пришла твоя мать? Ты можешь рассказать о ней больше? Ты знаешь, чего она хочет? Зачем она следует за тобой?

Зоран Вранич

Под умелыми ладонями Ирины головная боль снова начинает смягчаться, а ее очень пылкие заверения успокаивают. По ним выходит, что Эжену – непонятное "сифу" Зоран пока откладывает, это он обсудит позже, если будет кому и с кем обсуждать, конечно – можно довериться чуть более чем полностью, переложить на него примерно все и просто ждать. Это... ладно, это Зоран кое-как умекает внутри себя, хоть и с некоторыми поправками. Но дальше – сложнее. Потому что ему опять надо совершить трансфер доверия вперед по цепочке, а там уже совсем мутный густой туман. И в нём, видимо, нужно ориентироваться, кое-как нащупывая, что за незнакомого пока третьего человека, наверное, ручается Эжен, а за самого Эжена ручается Ирина, а доверие к Ирине, по факту, зиждется в основном на том, что у нее теплые руки и она умеет крепко, надежно, покровительственно обнимать. Если как следует подумать головой, то все это довольно шатко. И поэтому Зоран снова напрягается, и даже голову немного втягивает в плечи, когда открывается дверь.

Хмурый парень, который заходит в комнату вслед за Эженом и представляется Гийомом... что-то в нём есть. Что-то трудноуловимое и странным образом располагающее. Зоран осторожно предполагает, что, может быть, это опыт. Ну, такой, который обычно проступает и виден. В поступках, словах, жестах, во взгляде. Который даёт понять, что все вопросы, все движения – не просто так. Зорану кажется, что сейчас он улавливает именно его. Опыт. Ну, или в это очень хочется верить.

Но вопросы, которые задаёт Гийом, они... сложные. Первый еще попроще, а вот что делать с остальными, Зоран пока не понимает.

– Матушка умерла около года назад, – честно начинает Зоран. Он пока не понимает, к чему ведут эти расспросы, но полагает, что зачем-то же это надо, а еще надеется, что пока он будет разделяться с первым вопросом, из его рассказа прорежется какое-никакое понимание, что делать с остальными двумя. – Пока она была жива, она очень обо мне заботилась. Следила, чтобы я всегда был рядом, только с ней рядом. Оберегала меня. И... наверное, она пытается продолжать это делать и

сейчас? Зовёт меня. Говорит, чтобы я сюда не ходил. Чтобы я вам не верил. Что вы сделаете мне больно. Что она не позволит, – добросовестно перечисляет Зоран. И поглядывает на Гийома с осторожной надеждой: – Вы... можете что-нибудь с ней сделать? Пожалуйста?

Ирина Рейн

Ирина старалась не подавать виду, чтобы ситуацию не усугублять, но внутри себя она тихо бесилась. На собственную бесполезность злилась - ей очень хотелось помочь откровенно мучающемуся пацану, потому что она уже позволила полностью развести себя на жалость и сочувствие. Но по всему выходило, что сделать она ничего не могла. Что Ирина здесь так - живым компрессом сидела, затычкой для боли. И надеялась на то, что Эжен приведет кого-то, кто решит проблему, а больше ничего сделать не могла.

Но Эжену она верила без лишних разговоров, как и сказала Зорану вот только что. И не сомневалась в том, что сейчас в комнату действительно войдет нужный эксперт по духам, который быстро решит все проблемы. А Ирине останется только так, быть на подхвате и помогать с энергией врачевания, если понадобится.

Правда, парень, который вскоре действительно вошел в комнату, на "эксперта" был похож не слишком. На взгляд Ирины, гораздо проще было принять его за слегка двинутого. Или даже не слегка. Ирина впилась в него недоверчивым взглядом, ничего не в силах с собой поделаться. И вопросительно покосилась на Эжена - мол, это, что ли, наш специалист? Ради него вся пляска затевалась? Точно не лучше было пробежаться по мастерам и попробовать потрясти их?

Впрочем, парень, назвавшийся Гийомом, быстро завязал с Зораном беседу. И Зоран примерно так же быстро включился в разговор, начал отвечать, на взгляд Ирины, даже бойко. Правда, пока это больше напоминало топтание вокруг да около. И как будто к результату не приближало вообще. Ирина снова оглянулась на Эжена, пытаясь без слов подтвердить у него, что все идет как надо, потом погладила Зорана по голове - его вроде как немного успокаивало это тактильное проявление заботы, так почему бы не пользоваться этим по чуть-чуть, пока работает, - и снова воткнулась в Гийома колючим взглядом. Мол, ну помогай уже, видишь, сколько человек тебя просят!

Эжен Савиньяк

Хотя Эжен, конечно, и хотел бы помогать деятельнее и участвовать в происходящем активнее - на его взгляд, все остро-полезное, что мог, он уже сделал. Дальше оставалось координировать процесс и следить, чтобы никто никому не мешал, или помогать по мелочам - и то, это все лишь при условии, что что-то из этого действительно понадобится. По сути же, Эжен сейчас переходил в статус наблюдателя и моральной поддержки по совместительству, вот и вся его ближайшая польза.

Ладно, он еще мог попробовать успокоить Ирину.

Правда, не то чтобы в этом была такая уж большая необходимость. Пока от Ирины проблем не было. Но Эжен уже видел, с каким глубоким сомнением она косилась на Гийома, и по ее обрывочным комментариям за сегодня понимал, что в шаманизме она понимает примерно столько же, сколько он сам. Значит, они сейчас оба были на позиции глубоко не разбирающихся и могли неосторожным вмешательством что-

нибудь испортить.

Ему показалось не очень хорошей идеей собираться вокруг циновки и вокруг Зорана всей толпой. Не давить на ученика лишний раз, пожалуй, будет лучше - а в случае чего, снова оказаться рядом будет совсем легко, комната-то небольшая. Приблизившись к Ирине, Эжен положил руку ей на плечо и легонько потянул.

- Давай отойдем немного, - негромко предложил он и указал на соседнюю циновку. - Не будем отвлекать. Если что, мы же все равно рядом.

Гийом Савиньяк

Полные сомнения взгляды Ирины Гийом заметил, но предпочел оставить без внимания. Кроме этого, он успел заметить еще и то, как к девушке двинулся Эжен, и посчитал, что в этом месте брат разберется сам, не даст устраивать разборки там, где для этого не время и не место. Потому что Гийому, конечно, хотелось бы полностью сосредоточиться на вверенной ему задаче, не отвлекаясь на споры и пререкания.

Ученик отвечал на вопросы с видимой невооруженным глазом честностью. Явно испытывал некоторые сложности - но так же явно и честно доставал из себя все, что знал, старался описать следующего за ним духа как можно подробнее. Там, где не знал, строил похожие на правду гипотезы и в целом дал хорошую, понятную картинку происходящего. Мать, опекающая настолько, что даже после смерти не смогла разомкнуть объятий и оставить сына. Это могло бы быть прекрасным гимном материнской любви, если не учитывать, куда она сейчас звала юношу - по сути, в могилу.

- Я ничего делать не буду. Потому что тогда это тебе не поможет. Ты справишься с ней сам, - сразу же обозначил Гийом. И объяснил, пока не успел напугать ученика этим ультиматумом: - Тебе нужно научиться иметь дело с духами самому, и чем раньше, тем лучше. Если за тебя этим буду заниматься я, проблемы это не решит. Власть над духами у тебя есть, иначе дар в тебе бы не пробудился. Теперь нужно научиться ее показывать. После этого станет проще. Как бы велика ни была забота твоей матери, сейчас она тебя губит. От нее нужно отказаться. Дать ей понять, что если ты не хочешь прислушиваться, она не сумеет заставить тебя. Ты сильнее, даже если сейчас сам еще не понимаешь этого. Пора научиться применять эту силу. Готов учиться? Я расскажу, что делать, и направлю в сложных местах.

Инициация, насколько Гийому хватало опыта, легкой не бывала по определению, и ловить более тепличные условия не имело смысла. Тем более, когда у ученика над душой непрерывно стоял удушливо назойливый дух и делал это уже около года. С такими исходными данными - Гийом не рискнул бы поручиться, что у них есть еще хоть день в запасе, что контроль над собственным разумом не начнет уплывать от юноши уже в ближайшее время, уступая настойчивой диктовке духа.

Зоран Вранич

В глубине души, Зоран на самом деле надеется на чудо. Что вот сейчас Гийом щелкнет пальцами, и головная боль стихнет. И голос матушки – тоже. И вообще все плохое прекратится, перестанет его тревожить.

Но эта розовая мечта, понятное дело, слишком хороша для того, чтобы оказаться правдой. Вместо неё Зорану приходится иметь дело с совсем другим, менее приятным оборотом событий.

В первый миг Гийом его пугает, объявив, что ничего не сделает. Но быстро объясняет, что он имеет в виду на самом деле, и Зоран осторожно выдыхает. Что ж, если его научат, как останавливать матушку самому – это, пожалуй, лучше. Правда, он сомневается, что стоит делать это прямо сейчас, ему бы хоть небольшую передышку – она бы очень помогла делу, пошла бы на пользу, разве нет? Но потом Зоран смотрит в светлые глаза, твёрдые, как льдинки. И ему кажется, что он видит в них уверенность. Что человек перед ним сам проходил через что-то очень похожее, и потому знает, о чем говорит.

Ладно. Пожалуй, довериться ему сейчас все-таки будет лучшим решением.

– Я готов, – кивает Зоран. И тут же непроизвольно едва не жалеет об этом: матушка издаёт протестующий вопль, почти переходящий в вой, от которого едва не лопаются болью затылок. Зоран бестолково мотает головой, старается вытрясти из ушей этот крик, прогнать его. Гийом собирается рассказать ему самое важное, это обязательно нужно услышать, это нельзя пропустить! – Да, да, я готов, расскажите мне, пожалуйста. Что мне делать?

Его тревожит только то, что Эжен пытается увести Ирину. Лучше бы она не уходила. С ней спокойнее. Все как-то проще, когда она рядом и так очевидно вся за него руками и ногами. Зоран оглядывается на нее и просит: – Оставайтесь, пожалуйста. Это ведь ничего, если вы останетесь? Это не помешает? – Последний вопрос – уже Гийому.

Ирина Рейн

Вот чего Ирина не ждала, так это того, что Эжен потянет ее прочь, как напрочь лишнюю. Спасибо, что не за ухо.

- Что? Почему! Я не пойду, я его не оставляю! - возмутилась она было и крепче прижалась к Зорану. Мальчишкой и его проблемами она искренне прониклась, и теперь ей казалось просто подлым бросить его и уйти. Да вот тем более, и сам Зоран тоже попросил ее не уходить. Ну что она, камень? Ну как его бросить-то, дурного, на попечении одного только Гийома? Гийом, может, и действительно желал сделать как лучше - а получится ли у него? А где гарантии? Ну так почему бы тогда не подежурить рядом, чисто на всякий случай? Не пригодится, так и супер. Но вдруг пригодится?

Впрочем, быстро выяснилось, что у Эжена "уйти" означало "отодвинуться в пределах комнаты". Типа, не мешать главному специалисту вещать и махать руками. Что ж, это Ирина могла понять и принять. В случае чего, она до Зорана добралась бы одним хорошим прыжком, чтобы прийти на помощь, так что с горем пополам согласилась считать это предложение разумным.

- Мы не уходим! - горячо пообещала она Зорану, неосознанно объединяя себя и Эжена в пылкое "мы". - Вот прямо тут в комнате и останемся, просто подвинемся, чтобы не мешать. Если что, сразу к тебе подскочим. Договорились?

Но, отойдя от Зорана и временно потеряв свою основную целительскую функцию, Ирина предсказуемо растерялась, перестала понимать, куда ей приткнуться, и не

смогла найти себе места. И кончила тем, что, позабыв про приличия, прижалась к Эжену, обвила его руками и спросила тихо и тревожно: - Все ведь будет хорошо? У них все получится, да? - Ну, Гийом как будто заливал уверенно. Так, словно под его руководством все и впрямь должно было пройти гладко.

Эжен Савиньяк

Гийом, несмотря на свое ворчание, подошел к делу со всей ответственной честностью, нырнул в проблемы Зорана как будто бы с головой. И уже, насколько понял Эжен, готовился продиктовать решение, и в свете этого как будто особенно важным было не мешать, отойти, временно устраниться и не сбивать.

Ну, на взгляд Эжена, это получилось сделать без больших проблем. Ирина, хоть и взбрыкнула поначалу, быстро разобрала, что ее никто не гонит из комнаты совсем и успокоилась. И уже сама бросилась горячо объяснять ученику, что его никто не оставляет и не бросает. Ее вовлеченность в проблемы Зорана, которого она знала от силы час, поражала и даже восхищала. Тем сильнее не хотелось, чтобы, руководствуясь этой вовлеченностью, она из лучших побуждений что-нибудь испортила. Поэтому Эжен крепко взял девушку за локоть и отвел в сторону, подальше от эпицентра действий.

- Мы с тобой отсюда посмотрим. И если вдруг что-то понадобится, сразу придем на помощь, - пообещал он. В ответ Ирина неожиданно уткнулась в него, уязвимо и доверчиво, вцепилась так, словно не знала, куда себя деть в минуты ожидания. Невооруженным глазом было видно, как она переживает. И отталкивать ее сейчас, пытаться напомнить что-то о правилах поведения, которые должны соблюдать ученики, Эжен посчитал невозможным. Вместо этого он приобнял девушку, погладил по разметавшимся рыжим волосам и уверенно посулил: - Конечно, получится. Они справятся, не переживай так. - В брата и его опыт Эжен здесь верил безоговорочно. И даже рискнул полагать, что этого опыта Гийому хватит, чтобы удержать ситуацию под контролем, даже если у Зорана что-то будет не складываться.

Гийом Савиньяк

Попытку рыжей Ирины взбрыкнуть пресечь получилось быстро, почти без шума и пыли. Эжен отвел ее в сторону достаточно легко, а сам Гийом подключился к тому, чтобы успокоить заволновавшегося ученика и заверил: - Если не будут влезать и говорить под руку - не помешают. Пусть остаются, просто смотрят со стороны. Сейчас сосредоточься, пожалуйста. Я расскажу, как мы поступим дальше. Ты сначала внимательно все слушаешь. Потом задашь вопросы, если они появятся. И только после того, как никаких вопросов не останется, попробуешь сделать. Все понял? - Если юноша выразил готовность приступить к делу - а он выразил, - то Гийом не видел смысла тянуть.

- Тебе нужно будет лечь, закрыть глаза и прислушаться к голосу, который зовет тебя. Не отвлекаться, не закрываться, не упираться - наоборот, немного приоткрыться. Позволить ему понести тебя, как течению реки. Если в какой-то момент тебе покажется, что ты проваливаешься в сон, или что тело становится ватным, или что ты из собственного тела начинаешь как бы выскальзывать, или придет другое рыхлое ощущение - не пугайся. Это будет значить, что ты все делаешь правильно. Что погружаешься в транс и частично выходишь на

нематериальный план бытия, туда, где ждут духи и где с ними проще говорить. Научиться такому погружению нужно, чтобы прибегать к нему осознанно и контролировать процесс. Сейчас, на первый раз, тебя утнет глубоко, потому что о контроле ты еще ничего не знаешь, - не пугайся, это нормально. И все то, что ты видишь вокруг, преобразится, станет непривычным, не исключено, что даже на самого себя ты будешь смотреть со стороны - этого тоже не бойся, так может случиться, ничего плохого в этом нет. - Гийом старался изложить все так экстрактно и вместе с тем понятно. По-хорошему, он предпочел бы, чтобы у него было время нормально, полноценно подготовить ученика к инициации. Но опять же, он здесь упирался в то, что времени могло уже вообще не быть. - После того, как у тебя получится погрузиться, твоей задачей будет пойти на голос, который тебя зовет, пока не встретишь дух твоей матери лицом к лицу. Тебе нужно будет сказать ей, что ты не останешься с ней там, что у нее нет над тобой власти и ты ей не подчиняешься. Что придешь только тогда, когда настанет твое время, и ни часом ранее. Не обязательно именно такими словами, главное - суть. Потом повернись к ней спиной и уходи, не оборачиваясь, - пока не вернешься к нам, сюда, на эту циновку. Воспринимай духа как самую глубокую точку - чем дальше ты от него, тем ближе к выходу обратно, а материальный план. Как только вернешься обратно сюда, все закончится. Если что-то непонятно, спрашивай сейчас, не откладывай.

Зоран Вранич

В том, что его не оставят, Зорана убеждают едва ли не все вместе, каждый на свой лад. Громче всех слышна Ирина, фонтанирующая горячей заботой. Тише ей вторит Эжен – он как будто и говорит-то не напрямую с Зораном, но достаточно отчетливо для того, чтобы в его словах можно было разобрать ободряющее "придем на помощь". У Гийома своя манера: вместо того, чтобы рассыпаться в заведениях, он сухо подчеркивает, что зрители ему мешать не будут, пока ведут себя прилично. Значит, не против, значит, никто никого не гонит, и Зоран успокаивается.

Он ощущает себя странно: как будто отчасти в невесомости, как будто влекомый куда-то, словно течением. Сперва этим течением были Эжен и Ирина, которые завели его в монастырь, своей настойчивостью не позволившие поддаться плачу матушки и передумать. Теперь их место занимает Гийом: он скорее похож на напористый поток, почти что тянет за руку, показывая дорогу. Чем больше он говорит, тем сильнее верится в то, что он хорошо знает, о чем речь, тем ярче становится медленно расцветающая искра доверия в груди. И Зоран слушает жадно, старается ни одного слова не пропустить.

– То есть, получается, я как бы выйду из своего тела – а потом зайду в него обратно? Так? – уточняет Зоран, стараясь охватить разумом то, что старается втолковать ему Гийом. Это... хотя они с самого начала говорят о странном, поздно уже удивляться. – Ладно. Я думаю, что представляю себе, как это. Примерно. Но... что, если у меня не будет получаться? Если матушка не захочет меня отпускать, не позволит уйти? – Вот, пожалуй, самый главный его страх. Выйти из тела и не суметь зайти обратно, остаться болтаться в невесомости неприкаянным призраком.

Но от разговоров желанное избавление от головной боли и звенящего между висков голоса ближе не станет, надо начинать действовать. Зоран ложится на циновку, вытягивается на ней и немного ёрзает, не зная, как сделать так, чтобы было удобнее, и куда деть руки. Не сразу ему удаётся устроиться более-менее прилично,

но наконец все же выходит. Зоран закрывает глаза и честно начинает внимать голосу матушки, каждое ее слово ловить: *да, да, я слышу, я тебя слушаю*. И постепенно плачущие причитания смягчаются, становятся даже какими-то ласковыми, убаюкивающими. Под них Зоран постепенно начинает проваливаться – это, наверное, и есть то самое ощущение, о котором говорил Гийом, – и надеется, что всё делает правильно, что не провалится в итоге совсем.

Ирина Рейн

Слушая, как Гийом планомерно выкручивает Зорану мозг долгими инструкциями, Ирина тихо порадовалась, что ее эта странная магия обошла стороной. Иначе мозг бы лопнул. Ирина и так никогда не была сильна в долгих теоретических рассуждениях, она и на занятиях по стихийной магии-то выгребала с трудом и нередко перегружалась всей башкой. А тут из Гийома эта теория текла, как из пробитой дождевой бочки, и все равно для рыжей это звучало как муть какая-то. И это заставляло ее только сильнее переживать за Зорана: он-то как разберётся во всей этой вакханалии? Ему же в первую очередь и нужно, а его так грузят, что аж перегружают! Гийома хотелось как следует ощупать, найти, где у него вентиль, который регулирует подачу болтологии в рот, и как следует прикрутить, пока всех не затопило к такой-то матери. Но немногим ранее всё тот же Гийом коварно заявил, что оставаться в комнате, тратить общественный кислород и наблюдать за процессом могут только те, кто молчит, не отвечает и вообще всячески не мешает. Поэтому Ирина была сильно ограничена в телодвижениях - она совсем не хотела, чтобы ее выперли из комнаты и в критический, тьфу-тьфу-тьфу, момент она не смогла быть рядом и оказать нужную помощь. Так что она молчала, только впивалась пальцами Эжену под ребра все сильнее.

Отдельная трагедия была в том, что Ирина сейчас, переживая за Зорана, даже не понимала, как близко в эти мгновения был Эжен. Потом ведь вспомнит и саму себя по голове бить будет за идиотизм. Но пока она тревожно и пристально следила за Зораном, и совсем о другом думала, и объятий, которые в любой другой момент были бы для нее запредельно желанными, толком не чувствовала.

Эжен Савиньяк

Полезность Эжена к этому моменту, в общем-то, кончилась, и теперь он занимался тем, что изображал мебель. Хотя, конечно, с натяжкой мог сказать, что осуществляет мастерский контроль за происходящим. Всё-таки, как ни крути, формально звание мастера у него действительно было. Другое дело, что к нему пока не прилагался внушительный опыт, как у более старших коллег. Но Эжен полагал, что в сложившейся ситуации брать паузу и отращивать этот опыт некогда. Надо было действовать как есть, раз уж взял на себя ответственность.

Если Ирину многословность Гийома беспокоила, то Эжен, наоборот, считал ее как раз достаточной для ситуации. Не чрезмерной, но в меру полной, чтобы у новичка сложилось впечатление, что его состояние здесь контролируют, и по сложным поворотам за руку проведут. На Зорана как будто действительно - во всяком случае, паники в его лице не наблюдалось, и вопросы он задавал скорее уточняющие, а не тревожные, звучал не слишком испуганно. Было похоже на то, что они с Гийомом нашли что-то вроде общего языка и поняли друг друга, тут вмешиваться было - только портить. Поэтому Эжен продолжал мягко удерживать вцепившуюся в него Ирину и молчать. Со стороны выглядело так, будто у Гийома все плюс-минус под

контролем. Оставалось не нарушить этот контроль ненароком.

Гийом Савиньяк

По ученику было слегка видно и слегка слышно, что рассуждения про выход к духам, которые, вероятно, были для него неожиданными и слегка странными, его всё-таки пугали. От него тонкими ниточками тянулся страх, постепенно разливался в воздухе - но соображать пока явно не мешал. Во всяком случае, вопросы ученик задавал хорошие. Правильные. Показывающие, что он вдумывается в то, что слышит, и понимает. В эти мгновения Гийом впервые перестал воспринимать происходящее только как вымученную спасательную миссию, и подумал, что мальчик, похоже, толковый. Что тому, кто потом возьмется учить его в монастыре, достанется сообразительный ученик.

- Да, можно сказать и так. Ты верно понял, - согласился Гийом. "Выйти, а потом войти обратно" - это было упрощенное описание, но суть ученик схватил верно, а смысла биться за точную формулировку Гийом не видел. Только время на ней потеряют и ничего взамен не обретут. Если юноше было проще воспринимать через такой образ - пусть. В инициации пока еще много было завязано на ощущениях и высокой точности не требовало. Точность можно и нужно было наверстать потом, уже после.

- Она не может тебя не отпустить, - твердо возразил Гийом. - Из вас двоих даром владеешь ты. Ты устанавливаешь связь с духом, и ты же можешь прекратить ее по своему желанию. У твоей матери получится удержать тебя только в том случае, если ты сам ей поддашься. Не забывай об этом, и у тебя все получится. - Это вновь было некоторое упрощение, но опять же, детали бы сейчас только запутали ученика. - И в любом случае, не бойся. Если даже вдруг что-то пойдет не так, я тебе помогу, подтолкну, чтобы тебе было проще вернуться. Запомни мой голос. В случае нужды - я буду звать тебя обратно.

Долго оттягивать ученик не стал: вытянулся на циновке, закрыл глаза, еле заметно сдвинул брови, явно вслушиваясь в зовущий его голос, - и вскоре воздух рядом с ним едва уловимо зазудел, подсказывая, что здесь размыкается материальный слой мира, приоткрывая выход в тонкие слои эфира, что у юноши получается двинуться в нужном направлении. Расслабляться было рано - наоборот, внимание стоило удвоить. Шепотом, чтобы не сбить ученика, Гийом уточнил у Эжена: - Как его зовут? - Эту деталь он почему-то выпустил, когда узнавал, в чем будет его задача и насколько все плохо, а сейчас звать ученика по "эй, ты" не имело большого смысла, этот размазанный призыв с высокой вероятностью юношу бы не зацепил.

Зоран Вранич

Поначалу Зорану кажется, что ничего важного и нужного не происходит. Что он просто лежит, и старается вслушиваться в матушкин голос, и делает это как-то ужасно долго. И никакого прогресса будто бы нет совсем, несмотря на обнадеживающее начало. Да, у него немного кружится голова, и его слегка тянет в сон - но именно что "немного" и "слегка". Это совсем не тянет на "проваливание", на "погружение", на "выход из тела", о которых они с Гийомом говорили всего несколько минут назад. У Зорана складывается полное впечатление, что он сделал первый шаг и на этом остановился, и завяз намертво.

Черт, как глупо. Боялся не выйти, а оказалось, бояться надо не этого, он и зайти-то не может.

Но отступить некуда, поэтому Зоран продолжает. Что ещё ему остаётся? Он всё так же прилежно вслушивается в постепенно подбирающийся к нему шепот матушки, тешит себя надеждой, что голос становится отчетливее и громче, и настойчивее прежнего отзывается: *да, да, я слушаю, я хочу тебя услышать, говори со мной, прошу.*

И в какой-то момент голова вдруг становится лёгкой. Совсем лёгкой, какой никогда не была. В недоумении Зоран пытается поднять руку, коснуться лба, потому что голову вдруг всю обметает странным холодом, — и руки своей не чувствует. Встревожено тянется сесть — собственное тело тоже не ощущается, оно какое-то далёкое, словно больше и не его вовсе.

Неужели... получилось? Осторожно, очень медленно, Зоран открывает глаза.

В первый миг ему кажется, что вдруг наступила ночь — нет, что кто-то выключил вообще весь свет в мире, настолько темно становится вокруг. Но глаза быстро привыкают, и Зоран начинает скорее угадывать, чем действительно видеть контуры предметов вокруг. С людьми по-другому. Их действительно видно — но неярко, не до конца, будто наброски белым мелом на черной ткани. У Ирины, в жизни такой яркой, этот "меловой" контур совсем блеклый; у обнимающего ее Эжена — немного более насыщенный. Отчетливее всех видно Гийома — как будто он ближе, как будто до него проще дотянуться. С запоздалым любопытством Зоран оборачивается на зовущий его голос — и его словно бьет по глазам.

Матушка. Такая яркая, будто она одна здесь настоящая, с таким знакомым лицом и плачуще-любящим взглядом, что в горле щемит. Зоран осторожно встает — тело легкое, как мыльный пузырь; делает пробный шаг навстречу — пола под собой не чувствует, он из-под ног выскальзывает мокрым мылом. Матушка зовет к себе, почти что притягивает — *мой бедный мальчик, наконец-то ты снова со мной, я тебя больше не оставляю, больше не отпускаю* — и у Зорана под ее напором все инструкции выскальзывают из головы, и он бредет навстречу послушно и растерян, не зная, как реагировать и что отвечать.

Но он же не может остаться здесь насовсем, верно?.. Это будет как-то... неправильно...

Ирина Рейн

Когда Зоран растянулся на циновке и закрыл глаза, Ирина разнервничалась хуже прежнего. Собственное бессилие ее злило, вымораживало и бесило. Но сделать она сейчас как раз ничего и не могла. Максимум сидеть на подхвате на случай, если вдруг что-то пойдет не так. И то, на взгляд рыжей, самым полезным вложением с ее стороны было бы, если бы она метнулась за нормальным врачом. За хоть за Евгенией, если дополнительных мастеров тревожить не хотелось. Все надежнее бы было.

Ну, и сложнее всего было не дергаться на нервах. Поскольку в происходящем Ирина понимала примерно ничего, она крепко опасалась, что может вылезти, где не просили, что-то вякнуть-брякнуть и сбить процесс, что вряд ли пошло бы Зорану на пользу.

Поэтому она терпела, крепилась и убеждала себя в том, что Гийом сюда не с

потолка свалился и понимает, что делает. А он потом вот такое отмачивал. "Как зовут", видите ли. Нашел время спрашивать. Спасибо, что хоть сейчас додумался уточнить эту деталь.

- Охренел? - шепотом взвыла Ирина и рванулась к Гийому, сама толком не зная, что хочет сделать - но, вероятно, от души ткнула бы его рукой или ногой за такие хорошие и своевременные вопросы, если бы Эжен не продолжал держать ее. Все еще горя возмущением, Ирина обернулась к нему, насколько позволяли обхватившие ее руки, и гневным шепотом спросила: - Нет, ну какого хрена?

Потому что сначала забыл спросить, как зовут, - а дальше что? Что еще он так чисто случайно забудет?

Эжен Савиньяк

Поскольку Эжен в тонких материях шаманизма, как Ирина, понимал примерно ничего - ну ладно, может быть, чуточку больше, потому что кое-что из того, что Гийом периодически рассказывал, все-таки оседало на слуху и задерживалось в голове, - то он сейчас ориентировался только на брата, по его реакциям старался понять, насколько хорошо или плохо все идет. Ну, и готовился быть на подхвате на случай, если от него вдруг что-то понадобится.

Но пока Гийом был спокоен. И ничем не выдавал, что у них есть какие-то неприятности, и как будто бы контролировал процесс полностью. Зато вместо него волновалась и переживала Ирина, и Эжену все так же приходилось следить за ней и держать ее. Даже, пожалуй, крепче прежнего - в какой-то момент она рванулась к Гийому с не вполне ясными, но вряд ли подходящими к моменту намерениями, и допускать этого не стоило.

- Тише, - настойчиво попросил Эжен, не позволяя Ирине оторваться от него. Кратко оглянувшись через плечо, чтобы ответить брату: - Зоран. Его зовут Зоран, - и снова полностью обернулся к девушке, полностью уделяя внимание ей как своей зоне ответственности. Ирина выглядела взволнованно-раздраженной; стараясь унять это раздражение, Эжен погладил девушку по рыжим волосам и пообещал: - Все будет в порядке. Не переживай. Если вдруг что-то пойдет не по плану, мой брат обязательно нам скажет, чтобы мы могли вмешаться и помочь. Но пока у него все под контролем, видишь? Так что давай не будем ему мешать, ладно? Прошу тебя.

Гийом Савиньяк

Гийому было не до того, чтобы обращать внимание на выходки рыжей. Ему надо было проследить за тем, чтобы у юноши все сложилось как следует при первом погружении в мир духов. Отвлекаться на выкрики Ирины он просто не мог себе позволить, чтобы ничего не упустить. Поэтому Гийом всецело положился на то, что этим займется брат и не позволит девушке ничего испортить. Сам же он осторожно, легко положил пальцы на запястье Зорана, настроился на лихорадочное тепло кожи, на торопливое биение пульса, чтобы следить за состоянием ученика и быть готовым вмешаться в случае нужды.

Начало было очень многообещающим. Зоран погрузился на нематериальный план очень быстро, нырнул туда, как игла сквозь ткань. Это заставило Гийома еще раз машинально подумать о том, что юноша, похоже, очень талантливый и что в руках хорошего наставника он обещает вырасти в весьма сильного шамана. А потом дело

начало портиться. Гийома закололо чужим замешательством, чужой растерянностью. И это с высокой долей вероятности означало, что, столкнувшись с духом по ту сторону, Зоран всё-таки оказался не готов, и от неожиданности у него из памяти повывлетали все инструкции, и теперь он терял контроль над ситуацией.

Ну, Гийом здесь примерно на такой случай и сидел.

- Зоран! - позвал он и едва уловимо подался вперед. Ворваться в чужой транс он не мог - но мог тянуться к юноше, к растерянному трепещущей теплой искорке чужой души, и именно это и делал, чтобы его голос четче достигал Зорана, не размазываясь по дороге. - Зоран, возвращайся. Развернись и иди назад. Мы тебя ждем. - Гийом старался и звать, не теряя концентрации, и одновременно просчитывать варианты, как действовать, если этот зов не поможет. Впрочем, ему скорее казалось, что запасной план действий все же не понадобится. Было у него в отношении Зорана какое-то хорошее предчувствие.

Зоран Вранич

Как, оказывается, в этой темноте гремит его собственное имя. Грохочет сильнее, чем раскат грома.

Поначалу Зоран, совсем растерявшись, только ползет потихоньку на зов матушки. И все кивает: *да, да, она не отпустит, он останется, это будет чудесно, именно так чудесно, как она обещает.* Но оклик, вдруг раздавшийся сзади, поражает, как удар молнии, так, что даже сердце испуганно пытается выпрыгнуть из груди. Может ли оно так сделать здесь, в этом тёмном непонятно где, опасно похожем на пустоту? Можно ли считать, что у него здесь вообще есть сердце?

Оклик заставляет его дернуться и оглянуться в поисках того, кто окликнул. И сразу как-то проясняется в голове: точно, это голос Гийома, нужно вернуться к нему. Вернуться, а перед этим... да, точно, сказать об этом матушке.

И Зоран поворачивается обратно, прокручивая в голове инструкции, которые наконец вспомнил, полный решимости второй раз не ошибиться и выполнить их в точности.

— Прости. Но я не останусь, — как можно тверже говорит он матушке в глаза, старается вспомнить слова, которые предлагал Гийом, потому что собственные слова вязнут как в болоте и находятся очень медленно. И собственный голос звучит странно, словно в бочке. — Я... приду не раньше, чем настанет мое время. Пока мне нечего здесь делать. Я ухожу, прости. — И он разворачивается, стараясь игнорировать матушкин разочарованный крик, и начинает медленно идти обратно. Вернее, туда, где он полагает это "обратно" — Гийом сказал, нужно идти *от матушки*, и Зоран старается выполнить это указание, как его понимает.

Каждый шаг дается с трудом. Ноги как будто вязнут в темной пустоте, и за плечи хватают ледяные ладони, тянут обратно. Но Зоран упорно продолжает двигаться вперёд — *у меня есть на это силы, я сильнее, я справлюсь.* И постепенно тяжесть соскальзывает с плеч, отступает.

Вместо этого перед Зораном вдруг вырастает огромная змея.

Он не успевает даже вскрикнуть — змея набрасывается на него, вцепляется клыками. И пронизывает в первую очередь даже не боль, а леденящий ужас. Зоран

бестолково дергается, пытаюсь вырваться, и, кажется, проигрывает эту внезапную схватку начисто – и сам не понимает, как вдруг вываливается обратно в реальный мир, к ожидающему его Гийому, всхлипывая и задыхаясь: – Змея! Там змея, да она же... разорвала меня!

Ирина Рейн

Ирине и хотелось бы, тьфу-тьфу-тьфу, сказать, что все идет хорошо, но беда была в том, что она вообще не понимала, что, как и куда идёт. И ориентировалась в основном на одного только Гийома: пока он сидит спокойный и ни фиги не делает, значит, наверное, в порядке всё, всё как надо. А потом Гийом в какой-то момент вдруг востепенел, начал звать Зорана по имени и настаивать, чтобы тот возвращался - как будто паренек сам без этого не мог запомнить простую инструкцию, - и здесь Ирина, увидев в этом тревожный признак, и сама обеспокоенно затрепыхалась в руках у Эжена.

- Что? Он все испортил? Все плохо? - напряженно зачастила она. Единственное, на что ее хватило - задавать вопросы шепотом, на случай, если все-таки дела идут более-менее в рамках плана, чтобы не испортить их своими выкриками. И ее попытки вырваться из рук Эжена были достаточно вялыми для того, чтобы Эжен мог удержать ее, если считал это нужным. А потом Зоран начал болезненно вскрикивать сквозь забытие, затем и вовсе рывком пришел в себя с уже отчетливыми криком и плачем - и Ирина метнулась к нему уже напролом, игнорируя любые попытки ее удержать.

- Что случилось? Где болит? - вскрикнула она, подлетая к Зорану и опускаясь рядом на колени. Внешне он "разорванным" не выглядел. Ирина крепко обняла его, прижала к себе, погладила по голове, успокаивая: - Все хорошо, заяц, все в порядке. Вот же, ты к нам вернулся целый. Ты молодец, ты просто умница! - но как будто ее слова большого влияния не оказывали. Тогда поверх головы Зорана Ирина воткнула в Гийома гневный взгляд и яростным шепотом спросила: - Вот что ты натворил? Какая еще змея? Что у вас там, блин, произошло?

Эжен Савиньяк

Поначалу, после того, как Зоран согласился довериться Гийому и последовал его инструкциям, Эжен уж было полагал, что все самое сложное они прошли, а дальше дела более-менее выйдут на накатанные рельсы. На деле оказалось, что все несколько сложнее. Что у Зорана в какой-то момент, судя по всему, возникли проблемы, и как только Ирина это считала, она немедленно задержалась в попытках броситься ученику на помощь.

- Тихо. Не паникуй раньше времени, - строго попросил Эжен и крепче прижал Ирину к себе - впрочем, лишь самую малость. Девушка хоть и отчетливо тревожилась, но вместе с тем так же явственно помнила о том, что может помешать в неподходящий момент, и вырывалась не слишком активно, и даже беспокойство свое выражала шепотом. Эжен так же негромко напомнил ей, что они здесь не одни и с ними человек, который гораздо лучше них разбирается в том, что происходит: - Если наша помощь будет нужна, Гийом нам об этом скажет. Да?

Благо, до этого не дошло. И Зоран через некоторое время пришел в себя - испуганный и несколько заплаканный, но в целом как будто живой и здоровый. И все-таки, с учетом тех панических фраз, с которыми он пришел в себя, Эжен счел

нужным уточнить, подходя ближе: - Ну, а как ты себя чувствуешь в целом? В порядке? - Впрочем, последняя фраза предназначалась скорее Гийому. Ему было виднее, насколько "в порядке" то, что Зорану примерещилась агрессивная змея.

Гийом Савиньяк

За своими попытками выкликать Зорана обратно Гийом в то же время не переставал следить за общим состоянием юноши, в основном за душевным. И поэтому продолжал смутно чувствовать отклик чужих эмоций: вот развеялась растерянность, когда Зоран вспомнил, что делать, вот появилось тяжелое напряжение - это, вероятнее всего, отозвалось прямое противостояние с духом близкого человека и попытка отказать ему.

А потом шквалом накатили ужас и фантомная боль.

В каком-то смысле это было *правильно*, и они быстро схлынули, отпустив Зорана и оставив после себя только испуг да немного слез. И от Гийома теперь требовалось только успокоить юношу да объяснить, что произошло. И более того, первую задачу с него по большей части сняла подлетевшая Ирина. Она, скорее всего, справилась бы здесь гораздо лучше него самого, поэтому Гийом даже не пытался вмешаться или, тем более, отогнать ее.

- Это страшно, но нормально. Даже в какой-то степени хорошо, - сказал Гийом. С эмоциональными утешениями у него было весьма так себе, так что он посчитал здесь более правильным подчеркнуть, что ничего ужасного не произошло и все в норме. - Если к шаману во время инициации приходит подобный образ, похожий на смерть, читать его надо совсем по-другому. Как *перерождение*. Это значит, что мир духов тебя принял, и теперь пересекать его границу по своей воле тебе будет проще, вот и все. Не переживай. Все сложное кончилось. Теперь только отлеживаться и ждать, когда пройдут последние симптомы инициации. Лучше здесь не форсировать и врачеванием не лезть, - предупредил он на всякий случай. А то Ирина, кажется, могла бы. - Само пройдет. А ты молодец. Отлично справился.

Зоран Вранич

Зорану очень быстро становится стыдно за то, как он расклеивается. Потому что утешать его бросаются со всех сторон: снова налетает с горячими объятиями Ирина, и Эжен подходит, чтобы поинтересоваться самочувствием, и Гийом терпеливо объясняет, что ничего страшного не произошло. Зоран стыдливо прикрывает рукавом заплаканное лицо и старается поскорее прогнать слабость, преодолеть ее.

— Все хорошо, — торопливо отвечает он разом и Ирине, и Эжену. — Я просто испугался, и все. Это от неожиданности. Со мной ничего плохого не случилось. Вот, уже не плачу, видите?

Он так старается скорее оправдаться, что даже не сразу замечает перемены. Но в какой-то момент все же понимает, что рядом с ним стало тише. Зоран недоверчиво вслушивается — нет, никакого больше жалобного плача, никаких упреков в том, что он идет не за теми и не туда, и делает все не так. Тихо. Встрепенувшись с надеждой, Зоран наполовину выдирается из объятий Ирины, напряженно обводит комнату

взглядом – и нигде не видит мрачной тени, привязчивой, неотступной и плачущей.

– Она ушла, – ошеломленно признает он. И переводит благодарный взгляд на Гийома: – У вас получилось. Правда получилось! – Как хорошо. Есть в этой тишине что-то от свободы.

Но потом Гийом упоминает про то, что "мир духов его принял", и Зоран снова напрягается.

Нет, хорошо, что в появившейся перед ним змее, оказывается, нет ничего страшного, и все в порядке. Плохо, что Зоран не имеет ни малейшего понятия, как с этим быть дальше.

– И что он будет со мной делать, этот мир духов? А что я буду делать с ним? – наивно спрашивает он. И с надеждой впивается в Гийома взглядом: – Я же в этом ничего не понимаю! Вы научите меня? Будете моим учителем? Пожалуйста! – Ему кажется диким идти искать какого-то другого, непонятного учителя, когда вот уже точно есть Гийом, под руководством которого все получается.

Ирина Рейн

Гийом на попытки Ирины дознаться, что все-таки произошло и насколько все сломалось, не отреагировал никак. Просто с изяществом хлопнул ушами и пропустил все неудобные вопросы мимо себя. Мастер дискуссии, ничего не скажешь. Ирине с ее коротким терпением только подобных фортелей и не хватало, конечно. Она немедленно воткнула в Гийома еще один острый взгляд, более яростный, чем первый, и уж совсем было собралась наехать на него всерьез и громко. И фиг знает, как потом объяснялась бы перед Эженом, который вообще-то этого эксперта по духам сюда пригнал и явно ему доверял.

Но, по счастью, никаких глупостей Ирина натворить не успела. Вовремя вмешался Зоран, стал заверять, что с ним все в порядке, – и, подумав немного, Ирина ему все же поверила. Мальчишка выглядел хоть и порядком заплаканным, и в глазах еще отражался недавний испуг – но тем не менее, Зоран казался достаточно активным для того, чтобы не выглядеть уже поломанным, больным или умирающим. И даже быстро полез к Гийому за добавкой – и тут-то Ирина окончательно успокоилась. Нет, если бы ему там было худо, он бы туда второй раз так резво не сунулся.

Единственное, что Ирину беспокоило – то, как Гийом потребовал от нее не лезть к Зорану с врачеванием. То есть оставить и усталость, и температуру, и головную боль, и что он там еще успел понацеплять от своего шаманизма. Рыжая нахмурилась – но все-таки, пока все, что советовал Гийом, вроде как было в строку. Наверное, имело смысл прислушаться к нему и сейчас. Поэтому спорить напрямую Ирина не стала. Но обратилась к Зорану и горячо сказала: – Но ты если вдруг решишь, что тебе худо и что тебя надо подлечить – ты обращайся! Я без проблем.

Гийом Савиньяк

То, как быстро Зоран приходил в себя – он старался скорее успокоиться, и у него это даже получалось, – Гийом мысленно отметил как еще одно положительное качество юного шамана. Самообладание в таких вещах было весьма важным. И пусть пока Зорана оно еще слегка подводило, он очень быстро оправился и очень многообещающе выглядел.

– Я ничего не делал. Ты справился сам. Все получилось у тебя, – напомнил Гийом. Он считал верным сразу обращать внимание на достижения ученика, чтобы он

меньше боялся и был более уверенным в себе. Так ему самому будет первому проще в учебе. Будущему учителю можно будет меньше времени тратить на воодушевляющие речи и больше внимания уделять точности контроля.

Вот примерно здесь и крылось тонкое, скользкое место. Потому что Зоран уже успел нацелиться на самого Гийома. И тут же, не сходя с места, начал упрашивать стать тем самым учителем. Гийом же про себя точно знал, что способность нормально коммуницировать с людьми у него низкая. Потому что мешает с трудом сдерживаемый огонь, потому что он быстро начинает огрызаться в ответ на раздражение и тем самым только все усугубляет, и сам же из-за этого буксует в работе над стихией, не умея продвинуться дальше. Еще когда ему выставили этот диагноз преподаватели в Тулузе и крепко не рекомендовали соваться в магистры - ну, с тех пор ничего и не изменилось.

- Я не могу быть твоим учителем, - хмуро сказал Гийом. - Во-первых, у меня нет разрешения на то, чтобы преподавать Линь Ян Шо. Во-вторых, я в принципе не умею этого делать. Тебе лучше пойти к мастерам, которые учат официально. Здесь такие есть. Уверен, они помогут тебе куда лучше моего. - Наверняка Эжен уже с кем-то из таких познакомился и теперь мог помочь со знакомством. На него Гийом и обратил вопросительный взгляд: - Ты ведь подскажешь Зорану, к кому с этим вопросом подойти?

Эжен Савиньяк

Хорошо. Кажется, с умирательными вопросами они закончили, можно было относительно спокойно переходить к вопросам организационным. Эжен позволил себе относительно уверенно сделать этот вывод, основываясь на том, что никто не проявлял очевидной тревоги: ни Зоран, который должен был подавать тревожные сигналы в первую очередь, ни Гийом, который наверняка подметил бы, если бы видел что-то неправильное, ни Ирина, которая уж точно не промолчала бы, если бы как врачеватель заметила что-то серьезное.

Теперь оставалось только понять, кому можно порекомендовать Зорана так, чтобы он со своей особенностью мог при необходимости найти поддержку в кратчайшие сроки. Сам Эжен отпадал по понятным причинам, другие мастера-шаманы в монастыре хоть формально вроде и были, но по факту не то чтобы светились на занятиях или вокруг них, так что Эжен сомневался, удастся ли вызвать кого-то из них, чтобы привлечь к делу. Так что в этой ситуации он находил даже удачным то, что Зоран попытался немедленно воззвать к Гийому и набиться к нему ученики. Пожалуй, остановиться на этом и впрямь было самой хорошей идеей. Даже с учетом того, что брату это заведомо не понравится.

- У меня есть право преподавать. Так что наставником могу быть я и все основные обязанности возьму на себя - а ты будешь консультировать Зорана по спорным вопросам его дара, когда возникнет необходимость, - предложил Эжен. Ему правда казалось, что это будет лучшей связкой, доступной им на текущий момент. Гийом ожидаемо заупрямился, и, чтобы не разворачивать перед учеником спор во всех его некрасивых красках, а хотя бы немного его сгладить, спрятав точные слова, Эжен обратился к брату на французском: - *Не думай о себе так плохо. Смотри, ученик под твоим руководством только что сделал все как надо. Ты можешь продолжать с ним в*

том же духе. Тебе ведь надо работать над собой, чтобы твоя стихия не стала сильнее тебя, ты сам знаешь это не хуже меня. Вот хорошая возможность. И к ней уже прилагается хорошее начало. Подумай об этом. Просто хотя бы на минуту подумай без негатива, прошу.

Ирина Рейн

Если то, как Зоран потянулся к Гийому, Ирина нашла вполне трогательным, то вот встречный уклонизм ее уже взбесил. Зоран демонстрировал трогательную доверчивость, когда просил стать его учителем, и рыжая про себя думала, что она со своей стороны едва ли посмела бы это нежное доверие предать. А этому типу - ничего, можно.

- Да что ж ты за вертлявый тип! - досадуя, воскликнула Ирина. - Вы посмотрите на него: это он не делает, тут не умеет, там, видите ли, права не имеет! Сто отмазок! Что, если тебя в мешок посадить и шилом тыкать, в жопу все равно будет не попасть, да?

Она уж совсем было приготовилась к тому, что сейчас они с Гийомом начнут друг на друга орать и что ей придется переорать его в честном скандале - это она очень даже могла, да Гийом просто не знал, с кем связывается, сейчас она его уложит на обе лопатки, - когда в разговор вмешался Эжен. И тоже принялся уговаривать, и очень быстро перескочил на французский. Который Ирина знала, а потому продолжила греть уши, удивляясь такому финту.

Впрочем, ей быстро стало понятно, что Эжен захотел спрятать часть аргументов, чтобы не шатать репутацию Гийома перед Зораном. Саму же Ирину в разговоре особенно цепанула фраза про стихию, которой нельзя было позволить стать сильнее. Лично она знала всего одну стихию, на которую так наговаривали, а потому уставилась на Гийома с любопытством. Что же, получается, вот в этом вредном снулом теле прячется всамделишный огонь?

Впрочем, сама Ирина тоже была вполне себе вредным снулым телом. Здесь сходилась.

У нее сложилось впечатление, что у Эжена и Гийома есть какие-то особые отношения, вот даже не дружеские, а другое что-то. Поэтому в дальнейший их спор рыжая не вмешивалась, оставила его Эжену. Вместо этого она погладила Зорана по встрепанной макушке и пообещала: - Не переживай. Если хочешь, чтобы тебе все-таки именно Гийом рассказывал про ваши шаманские практики, так мы его щас уговорим. Все будет.

Зоран Вранич

У Зорана легонько рдеют щеки на словах Гийома о том, что он якобы сделал все сам. С одной стороны, похвала ощущается необоснованной - ну какое "сам", он же полз строго по указке, как слепой котенок, и то сбился, и Гийому вытаскивать его пришлось. А с другой стороны, не заметить ее невозможно, она согревает, и щеки приятно обжигает.

Но как же быстро пропадает это тепло, когда уже следующей фразой Гийом отказывается от Зорана. Закрывается несколькими доводами сразу, и каждый следующий ощущается холоднее предыдущего, от формального отказа до попытки отослать куда-то к другим, незнакомым и непонятым людям.

- Нет? - треснувшим голосом переспрашивает Зоран. Ох, как это холодно, холодно

и больно. – Но почему? Неужели все это никак не обойти? Прошу вас! Я не пойду к другим мастерам, я их не знаю, не верю им. Вы мне помогли, они – нет. Я верю вам. Не оставляйте меня, пожалуйста! – Он упрасивает, и ему кажется, что это все бессмысленно, что он не находит нужных слов, а потому может сейчас хоть весь изойти на просьбы и мольбы, и ничему это не поможет.

Но прежде, чем это обреченное ощущение успевает закрепиться у него в груди жёстким холодом предательства, ему на помощь бросается Ирина.

Ее напор безыскусный, она, по сути, просто кричит на Гийома – но делает это очень пылко. Под ее защитой Зорану снова теплеет, и он рывком подаётся к девушке, вцепляется в нее испуганными объятиями, просит уже ее: – Не бросайте меня, пожалуйста.

От волнения он совсем забывает про еще одного человека в этой комнате – зря, зря, бесконечно зря. Как можно про него забыть, это ведь Эжен до сих пор направлял Зорана во всех ключевых моментах, хоть его роль и кажется незаметной, размывается за более деятельным вкладом Ирины и Гийома. Это ведь Эжен позволил Зорану войти в монастырь и дал надежду на лучшее, он разглядел мучающую юношу беду, он привел Гийома, чтобы справиться с этой бедой. Наверняка он может что-нибудь сделать и сейчас – с мыслями об этом Зоран вливается в Эжена взглядом.

– Я согласен! – выпаливает он тут же, как только Эжен предлагает, чтобы Зоран числился за ним как за наставником, а Гийом помогал только по части мира духов. – Согласен! – И по такому случаю Зоран даже напрягается, старается вспомнить правильное вежливое обращение, которое ему подсказала Ирина. Как она говорила тогда?.. – Сифу Савиньяк, прошу вас!

Он должен суметь, это ведь его рука, если подумать, сегодня направляет все.

Гийом Савиньяк

- Себя потыкай. Может, найдешь наконец кнопку, которая звук регулирует, - огрызнулся Гийом. Как только Ирина перестала сдерживаться и в полный голос полезла со своими претензиями, она немедленно начала бесить. Гийом же терпеть не мог, когда ему всерьез пытались что-то предъявлять люди, мнением которых он и близко не интересовался и которое никакого веса не могло иметь по определению. Поэтому он тут же абсолютно непедагогично полез ссориться с Ириной в ответ. Вот в тот числе и поэтому преподаватели в Тулузе намертво отсоветовали ему даже смотреть в направлении экзамена на магистра - его огонь пока что был сильнее него самого и обязательно вылезал бы в местах, где требовалось тонкое терпение.

По счастью, Эжен вмешался в ссору прежде, чем она переросла в совсем некрасивый скандал. От брата Гийому хватило бы и одного окрика, чтобы прикусить язык - здесь уже все работало с точностью до наоборот, этим мнением он дорожил и к этим словам был готов прислушиваться. Эжен же неожиданно взялся уговаривать, и этим сильно пошатнул сложившуюся было у Гийома уверенность в том, что его полномочия здесь все.

- *Это ты слишком хорошо обо мне думаешь. Меня от экзамена на магистра отгоняли только что не метлой, разве не помнишь?* - хмуро отозвался Гийом так же на французском. Но все-таки дрогнул, уступил, доверился мнению брата. И коротко кивнул рассыпавшемуся в бесконечных просьбах Зорану: - Ладно, не паникуй.

Попробуем сделать по-твоему. Я постараюсь научить тебя, как взаимодействовать с духами. Но все остальное - не ко мне. Слышишь меня?

Эжен Савиньяк

Хорошо, что Ирина и Гийом не успели разругаться, - но плохо, что вообще попытались. Эжен предпочел бы, чтобы они как-нибудь нашли общий язык, а не цеплялись друг за друга. Но, похоже, ему этого не светило. Один излишне горячий, плохо сдерживаемый огонь находил на другой, и закономерно начинали лететь искры в разные стороны. И все могло так и остаться надолго.

Переубедить Гийома все же удалось. Правда, дальше осторожного, не обещающего многое "попробуем" он не продвинулся, но и это уже было много. Эжен полагал, что дальше давить на брата бесполезно - лучше уже не будет, а вот сделать хуже можно запросто, заставив его упорствовать еще сильнее. Поэтому Эжен спешно подхватил, чтобы зафиксировать договоренность, пока чье-нибудь неосторожное слово не заставило Гийома спрятаться обратно в раковину и неласково щелкнуть створками: - Со всем остальным можно ко мне. С вопросами по быту в монастыре, с проблемами, с пожеланиями в учебе или просто за советами. Считай, что с этого момента здесь я твой наставник и я за тебя отвечаю. - В этом было, конечно, некоторое своеволие - но, поскольку многих мастеров сейчас в монастыре не было, а у многих из оставшихся и без того забот хватало, Эжен рассчитывал, что ему не откажут, если он вылезет и заявит, что готов заниматься новым учеником. Как будто не так ситуация, чтобы наставниками перебирать.

Ирина Рейн

Огрызаться на Ирину Гийом начал сразу же, без единого предупредительного выстрела в воздух. И рыжая совсем уж было собралась сообщить ему в ответ, что сейчас ткнет ему в глаз, чтобы не выпендривался, а то и сразу чем-нибудь поувесистее и по голове. Но доспаривать через голову Эжена не стала. Вот уж не хотелось при нем выставить себя агрессивной истеричкой. Тем более, что Эжен тут пытался соединить расползающиеся концы, и лезть ему под руку было бы совсем никудышной идеей. Поэтому свое желание встречно выругаться Ирина кое-как проглотила. И крепче обняла прильнувшего к ней Зорана, тихонько успокоила: - Не бойся. Мы тебя не бросим, обещаю. Что-нибудь придумаем. - Ну, вернее, основная надежда была на то, что придумает Эжен. По тому, как Гийом немедленно заупрямился и злобно засверкал глазами, переорать его было бы тяжело.

И мягкие уговоры Эжена действительно сделали больше. Хоть энтузиазма на лице у Гийома и не появилось, он, по меньшей мере, перестал так отчаянно запираться и увиливать. И согласился с тем, что может помочь Зорану разобраться с волнующим его предметом. Ирина победоносно улыбнулась, словно это было и ее заслугой тоже, покровительственно чмокнула Зорана во встрепанную макушку и сказала: - Вот видишь? Выдыхай, заяц, все хорошо, - после чего очарованно покосилась на Эжена. Ей показалось, он согнул Гийома в другую сторону, и ей было очень интересно: это просто наработанный мастерский навык убеждения - или нечто большее? Откуда-то же он этого Гийома притащил, как будто отношения у них были особые, специфические, хоть и пока неясные.

Зоран Вранич

Из короткого диалога Эжена и Гийома ни слова не разобрать, Зоран только понимает, что это, кажется, французский, – и все равно за каждым словом следит с жадным напряжением. Ему настойчиво кажется: ну вот же, сейчас он наконец-то близок как никогда к тому, чтобы у него все сложилось, все снова наладилось. И непонятные способности перестанут отравлять жизнь, и станет понятно, на что, вернее, на кого опираться, и даже, наверное, прояснится, что делать и куда дальше двигаться. Вернее, оно уже проясняется: дальше – учиться в этом странном месте, искать себя среди многообразия местных учений. А там потом видно будет, что со всем этим делать.

Может быть, в случае сложностей он сможет обсудить это с Эженом или даже с той же Ириной. Едва ли они откажут ему в беседе, верно ведь?

И, пока Зоран жметя к Ирине и барахтается в своих тревогах, происходит маленькое чудо. И Гийом всё-таки склоняется к нему навстречу – немного, он уступает всего на шаг, но и этого хватает, чтобы внутри забурлил восторг.

– Я понял! – торопливо заверяет Зоран. Сейчас его, изо всех сил цепляющегося за то, что он еще толком не успел обрести, но уже очень хочет себе, очень легко развести на любые условия, он готов на все согласиться, лишь бы в финале прозвучало "да". Не тревожить Гийома за рамками очень определённой учебы – это звучит хоть и прохладно, но выполнимо. Зоран думает, что он очень постарается. Значит, к Гийому – спрашивать про духов, к Эжену – с вопросами обо всем остальном, а Ирина... пока неясно, но Зоран думает, если ее спросить напрямую, она не откажет и что-нибудь да разрешит. Очень уж у нее теплые руки. – Хорошо. Я сделаю, как вы скажете. Тогда... как мне обращаться к вам? – ведь здесь, наверное, тоже нужно соблюсти дикий восточный этикет.

По мере того, как постепенно отпускает напряжение, все сильнее наваливается усталость и тяжелеет голова. Зоран только сейчас осознаёт, как, оказывается, дико его клонит в сон вопреки всему. И смущенно говорит: – Мне очень хочется спать. Это нормально? Извините, я, кажется, сейчас усну у вас на плече, – последнее – Ирине. Она сегодня очень добра к юноше, но нельзя же испытывать ее благосклонное долготерпение вечно.

Гийом Савиньяк

Ну наконец-то. Кажется, договорились и успокоились.

Гийом не то чтобы рассчитывал выйти отсюда с лишними обязательствами на шее – но и не то чтобы это стало полной неожиданностью. Ясно было, что первое время юного шамана потребуется кому-то вести, и предсказуемым казалось, что за Гийома схватятся как за ближайшего доступного кандидата. Ну, так оно и вышло. Главное, чтобы дальше Эжен не начал с легкой руки делегировать Гийому что-нибудь еще. Если сейчас еще можно что-то наврать про "узкий магический профиль", то вот за дальнейшее размазывание полномочий уже наверняка огребут все причастные.

Но пока вроде им удалось найти шаткую точку баланса и на ней остановиться. Вот и хорошо.

- *Ainsi soit-il*, – подытожил Гийом, с легким сожалением думая, что получившуюся игру слов вряд ли сейчас кто-то сможет оценить. И вяло повел плечом в ответ на

вопросы Зорана: - Да как хочешь. Я же буду не наставник, а так, временами приходящий консультант, здесь нет какого-то особого обращения. А усталость - да, это нормально, инициация сжигает много сил и нервов. Тогда сейчас поспи, а потом кто-нибудь из нас разбудит тебя к ужину и поможет сориентироваться, что дальше. - И, если честно, под этим "кем-нибудь" Гийом подразумевал брата. Эжен ведь сам сказал, что все остальное на нем, никто его за язык не тянул.

да будет так (креол.), аналог "аминь"

Эжен Савиньяк

Отлично. Договорились, теперь важно это хрупкое равновесие лишний раз не пробовать на прочность, чтобы все не развалилось как карточный домик. В том числе и поэтому Эжен промолчал, когда Гийом практически через фразу уже заупрямился по новой, просто по другому поводу, и начал заявлять, что никак его называть не надо. Да, с официальным обращением как к наставнику пришлось бы использовать фамилию - а здесь у Гийома традиционно начинались корчи, что он чему-то там не соответствует и что-то там позорит. Эжен считал это все надуманным, действительности несколько не соответствующим, и надеялся, что однажды это получится исправить. Но сейчас, конечно, сцепляться из-за этого не было никакого смысла, спор на такую тему только бы все испортил. Эжен просто решил для себя, что он позже поговорит с обоими отдельно: Зорану подскажет правильное обращение, а Гийома постарается уговорить не дергаться из-за этого.

- Ужин в восемь часов вечера. Лучше его не пропускать, - сказал Эжен и прикинул, сколько времени у ученика осталось на то, чтобы попытаться отоспаться. Получалось, где-то часа три. Не слишком много, но лучше, чем ничего. - Тогда к этому времени я за тобой зайду, договорились? А пока мы пойдем. Отдыхай. - И на этом Эжен вышел из комнаты, и Гийома и Ирину увел за собой, наконец покончив для всех с сумбуром этой встречи и всего, что за ней потянулось, хотя бы временно.

Первый блин, конечно, комом - но как будто конкретно этот они все же скомкали не очень сильно.
